К.В.МАЁРОВА

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ МУЖСКОЙ ОДЕЖДЫ СТАРООБРЯДЦЕВ ДЕРЕВЕНЬ БОБРОВКА, СЕКИСОВКА, ТАРХАНКА, ЧЕРЕМШАНКА И ДР. ШЕМОНАИХИНСКОГО РАЙОНА ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ, ВЕРХНИЙ УЙМОН, МУЛЬТА, ТИХОНЬКАЯ И ДР. (РЕСПУБЛИКА АЛТАЙ) (ПО МАТЕРИАЛАМ ЗАПИСЕЙ 1953—1967, 1996—1999 ГГ.)

Причиной появления старообрядцев на Алтае было их бегство от религиозных преследований и стремление правительства разрешить вопросы колонизации Прииртышья.

Наша цель дать лингвокультурологическое описание названий отдельных предметов мужской одежды алтайских старообрядцев и подтвердить их первоначальную севернорусскую метрополию, так как в литературе было высказано утверждение об их курско-саянском происхождении (1).

Названные села в силу религиозной замкнутости и связанных с ней исторических и социальных причин жили изолированной жизнью, что содействовало сохранению реалий и диалектных особенностей, многие из которых давно исчезли на территории первоначальной метрополии этих старообрядцев.

Все села большие, по 3000—4000 жителей, особенно Бобровка, Черемшанка, Верхний Уймон, Секисовка, Мульта.

История образования этих сел тесно связана с историей старообрядчества и с историей присоединения верховьев Иртыша и Рудного Алтая к России.

В XVIII в. Россия предпринимает целый ряд мер по укреплению новых государственных рубежей. Большое внимание было уделено строительству военных линий по Иртышу. С 1716 по 1720 гг. были заложены на Иртыше крепости Омская, Железинская, Семипалатинская и Усть-Каменогорская; для соединения их между собой были построены 7 форпостов. Строительство серии крепостей закончились в 1764 г., их назвали Новой Колывано-Кузнецкой линией. Эта линия и проходила по территории описыва-

емых деревень в северо-западных предгорьях Алтая, край этот считался "одним из самых благословеннейших не только в Сибири, но и в целой России..." (2).

Но в начале, когда крепости только строились, самой острой нуждой было обеспечение их всем, особенно хлебом: "провиант приходит на место в третий год" (3). Правительство убеждалось в том, что хлебопашество надо развивать на месте, что необходимы крестьяне для поселения на этих землях. В 1760 г. последовал указ Сената "О занятии в Сибири мест от Усть-Каменогорской крепости..." (4), потом следующий – "ссылать за предерзостные поступки" крепостных в Сибирь (5), Сенат также постановил ссылать приговоренных к смерти колодниц в Верхиртышские крепости для выхода замуж (6). Но несмотря на все эти меры, крестьянская колонизация Рудного Алтая не шла.

И правительство прибегло к поселению в этих местах выведенных с Ветки и из Стародубья русских старообрядцев, которых в новых местах стали называть "поляками". "Поляки", переселенные насильно в Приитышье на Алтай, и основали названные села. Из Москвы и центральных губерний старообрядчество распространялось, спасаясь от преследований, во все стороны... и за рубежи России тоже. В Стародубье с 1669 г. возникло несколько поселений старообрядцев. После выхода 12 статей царевны Софьи старообрядцы вынуждены были уйти за литовскую границу на Ветку (7). Первая "выгонка" Ветки была при Анне Иоанновне, но новые волны старообрядцев снова пополнили ее население.

И вот, вспомнив о старообрядцах, Екатерина II издала манифест, а Сенат в 1762 г. на его основе издал Указ, приглашавший старообрядцев на родину (8) с указанием мест для поселения, среди них значились места "в ведомстве Усть-Каменогорской крепости по рекам Убе, Ульбе, Березовке, Глубокой и протчим..." Но добровольно старообрядцы не покидали Ветку. И Екатерина предприняла еще одну "выгонку" с Ветки. В 1764 г. на Ветку был послан генерал Маслов, который жестоко расправился с ветковцами и выселил оттуда до 20000 старообрядцев (9). По этапу их сопровождали в Сибирь, где часть была отделена и отправлена в Иркутскую губернию, а остальные — на Алтай (10). Отправленных в Забайкалье старообрядцев стали называть "семейскими" (11), а алтайских старообрядцев — "поляками".

Так возникли на Алтае "польские" села, которых сначала было 6, а потом число их выросло.

Старообрядцы были поселены на Алтае на правах государственных крестьян с обязательством платить двойной податной налог, с освобождением на 6 лет от податей.

П.С.Паллас, посетивший Алтай в 1770 г., нашел уже все основные "польские" села (12).

Населенных пунктов на этой территории не было, аборигенов тоже, кроме казаков, которых было очень мало и которые уходили на новые линии, что создавало старообрядцам условия для сохранения их религиозных, этнографических особенностей. Старообрядцы не только сохранили свои особенности, но и передали их "сибирячкам-колодницам" и даже бухтарминским старожилам "каменщикам" (13).

Получив право свободного вероисповедания, старообрядцы на Алтае сохраняли свою веру, не мирщились, держались деления на "поповских" и "беспоповских" (последних было меньше), противодействовали смешанным бракам. Скорее всего, их можно было отнести к часовенному согласию (14).

В 60–70-х годах XX в. пожилые люди еще хорошо помнили, когда и какую одежду носили, из чего и как ее шили. Сейчас ситуация другая: только старухи еще помнят, что носили их матери и бабушки, а о мужской одежде уже почти все забыли, сохранились пояски и опояски, у некоторых мужчин есть старинные рубахи и головные уборы. Если женщины на моленье надевают сарафаны и белые рубахи, то мужчины обычно приходят на моленье не в стареньких домотканых рубахах с вышивкой и ластовицей, а в обычных рубашках и брюках, подпоясываясь поясками и опоясками. У стариков хранится сшитая руками смертная одежда.

Мужская одежда старообрядцев (как и женская) не только сама по себе представляет культурологический интерес, но и дает материал для изучения историко-культурных связей старообрядцев-"поляков".

Наименования основных предметов мужской одежды "поляков" дают возможность сравнить их с аналогичными реалиями и говорами на территории Стародубья и Ветки, с говорами Курских саянов, "семейских" и сибиряков, которые в течение последних 230 лет являются соседями "поляков". Сравнения эти проводятся

в границах, которые устанавливают имеющиеся материалы. Рассмотрение наименований мужской одежды в многочисленных контекстах, зарисовки, фотографии, сверки по различного рода словарям позволяют наиболее полно вскрыть значения слов, их оттенки, дать лингвокультурологический анализ наименований и реалий, которые они обозначают.

В "польских" деревнях мужские праздничные рубахи шили из тонкого домотканого холста (из которого шили и женские рубахи), портянки и рабочую одежду шили из пачесного и изгребного холста. Окрашенная шерсть шла на изготовление поясов, опоясок. Из овечьей шерсти катают валяную обувь — "пимы" (синоним — "катанки"). Долгое время даже для мужской одежды не использовали покупные ткани, но уже в 1863 г. Принтц (15) отметил у них покупное сукно в мужской верхней одежде.

В 50–60-е годы XX в. нам удалось собрать большой материал об одежде старообрядцев, записать, зарисовать (записи были проведены от 250–300 человек). К сожалению, в настоящее время (поездки 1996–1999 гг.) многое уже безвозвратно исчезло, особенно это касается реалий и наименований мужской одежды. Для сбора материала мы пользовались "Пособием-инструкцией для подготовки и составления словарей" (16), "Программой собирания материала...", соответствующими вопросниками Томского университета, различными историческими, этнографическими и лингвистическими материалами.

Остановимся в качестве примеров лишь на отдельных словах и описании отдельных реалий. Все они проверены по диалектным словарям и словарям литературного языка: реалии, отсутствующие в общенародном быту, охарактеризованы и описаны, описания сопровождаются примерами в контекстах. (17).

Старообрядцы мужчины, как и женщины, носили в основном одежду из домотканых тканей, которые ткали на домашних станках-"краснах" из льна, шерсти, конопли (в основном, из первых двух).

Азям (аз'ам) — верхняя мужская одежда свободного покроя; азям шили широким, длинным, с запахом, из домотканой ткани, основа которой была льняная, а в утке была шерсть. Надевали азямы при выполнении различных работ на дворе, при поездках в лес, в дальнюю дорогу. "Азямы" подпоясывали длинными

широкими выстроченными плисовыми "кушаками" или шерстяными опоясками, сотканными из гаруса или овечьей шерсти.

Некоторые жители Бобровки и Черемшанки утверждают, что "азямы" и "зипуны" были чисто шерстяными.

"Я как сичас сматрю на-их, на азямы, зипуны ящё звали". "Азям ткали сами". "Азямы са-льну и с шерсти авечик ткали". "Выстраченный плисъвъй кушак разным ниткам пъ-язяму дъ-пъхалату пътпаясъвали". "Азямъф у беднъвъ ни-было". "Этъ зипуном и азямъм называли". "У няво азяму ни было, галимъй бядняк". Уменьшительно-ласкательной формой от слова "азям" было слово "азямчик" [азямшик]: "харошъй азямшик был, яво моль съела". "Я яво увидала, азямшик на ем, апаяска моя, я ему дарила, задатились кагда".

Слово "азям" известно в говоре людям среднего и старшего поколения с точным значением, молодежь, зная слово, плохо представляет себе саму реалию. Слово "азям" имеет в говоре синоним "зипун".

Ушаков (18) отмечает слово "азям" в значении "крестьянская верхняя долгополая одежда". Даль (19) приводит слово "азям" с пометой "татар." в значении "сермяга, долгий и полный крест. кафтан, верхний кафтан халатн. покроя, без бор, из домотканины, крестьянского сукна, понитка..." Филин (20) приводит слово "азям" в значении "верхняя одежда крестьян мужчин или женщин неодинакового по разным местностям покроя, сшитая из различного, в зависимости от местности и обстоятельств, материала". Далее даются описания покроя и материала в различных местностях. Реалия, отмеченная у "поляков", более всего соответствует той, которую Филин дает с пометой "волог." — "просторная верхняя одежда из сукманины, армяк" и которую приводит Васнецов (21) - "верхняя мужская одежда из самотканного сукна, вроде халата... Всегда опоясывается", а также Подвысоцкий (22) — "надеваемая поверх полушубка длинная, вроде армяка, одежда из сукманины". Слово "азям" отмечается и в других севернорусских и в сибирских говорах. Но его нет в большинстве южнорусских словарей. В сибирских говорах слово "азям" отмечает Анучин (23) в значении "верхнее платье, сшитое из материи, называемой "азямина" – ткань из верблюжьей шерсти", он же приводит для сравнения с пометой "курск." — "волчий,

лисий, или медвежий тулуп"; Кривошапкин (24) дает слово "азям" в том же значении — "армяк из верблюжьей шерсти", Ламанский (25) называет "азямом" "армяк, киргизского изделия", а Палагина (26) — "верхнюю одежду, имеющую вид длиннополого кафтана на кокетке, расклешенного книзу".

Из сказанного видно, что "азямы", бытовавшие у "поляков", полностью соответствуют тем, которые отмечаются в Вологодской обл., прежней Архангельской и Вятской губерниях, но они совершенно не похожи на "азямы", отмечаемые в Курской губернии и в других местах на юге Европейской части России, а также в Сибири, где "азямом" называли "волчий, лисий или медвежий тулуп", то есть и покрой, и материал другие.

Зипун (зипун) – длинная широкая верхняя зимняя одежда мужчин с широкими и длинными рукавами, без воротника. "Зипуны" запахивались и подпоясывались "кушаком" или "опояской". Зипуны чаще всего были черные или коричневые, по горловине и верхней поле их оторачивали "красной оторочкой". Шили "зипуны" из самотканого материала, в основе которого был лен, а в утке шерсть.

"Азям и зипун адно и то-жъ". "Зипун черный, широкъй, апаяска пъ-яму тканъя, тистошьти висят". "Зипун краснъй атарочкъй атарачивали, а понитък – чернъй". "Зипун, когда бури сильные и марос, адявали". "Надел-бъ старый зипун да апаяску". "Этъ апаяска к-зипуну". "Зипуны были долдии". "Этъ зипуном и азямъм называли".

Из контекстов видно, что слова "зипун" и "азям" являются синонимами. Слово "зипун" известно было в говоре в 50—60-е годы XX в. людям всех поколений, но молодежь плохо представляла себе саму реалию. В настоящее время уже редко кто из стариков помнит это слово.

Слово "зипун" Ушаков (27) отмечает в значении "крестьянский верхний кафтан из толстого сермяжного сукна". Даль (28) отмечает в том же значении без указания территории распространения, приводит синонимичные названия зипуна, в числе которых есть и азям, как и в нашем говоре; но Даль подчеркивает, что "зипуны" носили как мужчины, так и женщины, и что в отличие от "шабуров" и "сермяг", которые шили из понитка, зипуны шьют из сукна. В "польских" деревнях зипуны были мужской одеж-

дой, шили их из "понитка". Большинство областных словарей как севернорусских, так и южнорусских отмечают слово "зипун", не уточняя особенностей самой реалии, или же называют в числе особенностей прежде всего то, что "зипун" сшит из сукна. Наиболее соответствует реалии, отмечаемой у "поляков", данное Опытом (29) описание "зипуна" с пометой "перм." — "халат, сшитый из черного сукна, самоделыцины", так как на остальных территориях и покрой, и ткань не соответствует тем, которые отмечаются в деревнях прежнего Змеиногорского уезда Томской губернии.

Чембары (чамбары, чанбары) — широкие мужские рабочие шаровары, немного суживающиеся книзу. Носили их зимой и летом на работу. Шили "чембары" из холста, к верхней части пришивали "ошкур", в который вдергивался "гашник". Иногда их зимой надевают поверх зипуна", "понитка" и т.д., заправляя туда всю одежду, а после этого туго затягивают "чембары" "гашником" — "подчамбариваются", "зачамбариваются".

Иногда "чамбары" были вышитыми ("вышыванъми"). От обычных русских штанов они отличались тем, что третье полотнище ("матня"), пришиваемое между штанинами шло почти снизу, а в обычных русских штанах это полотнище идет выше колена. (30). Это делает "чамбары" широкими. Сейчас чембары надевают только тогда, когда едут в лес за дровами, идут на охоту, убирают навоз во дворе. Выполняя отдельные виды сельскохозяйственных работ, отправляясь в тайгу за ягодами, "чембары" надевают женщины. Слово употребляется только во множественном числе.

"Чанбары шыли из белъвъ толстъвъ холста". "Чанбары, аны широтии". "Чамбары и бабы адиют". "Как бис-чамбар зъ-смародой палезиш нъ-сядлуху". "Чамбары с бутыленкъм адениш — куда с дабром".

В словарях литературного языка слово отсутствует. Даль (31) приводит его в том же значении, что и в нашем говоре, с пометой "сиб.", "оренб.", (32) — в значении "шаровары"; Маляревский (33) — в значении "широкие холщовые шаровары..." Областные словари северновеликорусских и южновеликорусских говоров слово "чембары" не приводят.

Можно заключить из этого, что слово "чембары" вместе с реалией было усвоено носителями говора в Сибири.

Пониток (панитък) — верхняя запашная одежда, которую но-

сили и мужчины, и женщины, подпоясывая "опояской" ("апаяскъй"). Надевали "понитки" в любую погоду, в любое время года. Шили "понитки" из домотканой материи, в основе которой был лен, а в утке шерсть. Горловину и верхнюю полу "понитка" обшивали черным материалом. Шили "понитки" из трех полотнищ, спинка была у них прямая, полы имели небольшие клинья. "Пониток" обычно имел большой запах. Женские понитки были немного короче мужских, которые доходили чуть ли не до щиколоток. "Понитки" до сих пор есть в некоторых домах, их надевают, когда колют дрова, чистят двор, отгребают снег. Слово и реалия были известны всем поколениям "поляков" в 50—60-е годы, а в настоящее время многими уже забыты.

"Панитък на работу адивали, он ня-шыпкъ плахой — пряжа льняная, шерстью патканъй". "Панитък у-тяпло и в-дошш адивали". "Шыли с-падкладъшькъй кофту, път панитък паддявали". "Панитти и бабы насили". "Пънитти сами шыли, сами ткали: основа-тъ пряжа са льна, уток шерсь". "Я долгъ бирягла, был панитъшик, раньшы в дявщенкъх нъ-вящерти хъдили..." "Лен мять в панитти хърашо, ежлиф толстъе адиешь — тяжело в-ем работать, а в-им хърашо". "Панитти маленькъ падольше, как таперь туфайти, да делали и долдии, только женщыны фсе каротеньтии насили, штоп работъть лафчей". "Раньшы был закон... как идет взамуш... у ней панитък есь, кохта теплъя есь, азямшик есь и плисивик. Этъ таперь ваш брат пальто да шаршатенькъвъ этъвъ (шубы)...".

Слово "пониток" в значении "верхняя одежда" употреблялось в уничижительно-пренебрежительной форме — "панитишкъ" и "панитешкъ": "Ну яе тую жысь, панитишти проклятыи". "Панитешкъ драненькъй, бутыленки оттоптънъи". "В деуках фсе ф-панитишти сиктала".

Синонимом слова "пониток" в значении "вид верхней одежды" было в говоре слово "сермяк" ("сярмяк"): "Сярмяк — этъ панитък". Уничижительно-пренебрежительной формой от слова "сермяк" было "сермяжка" ("сярмяшка"): "Сярмяшку адень, ни хъди голъй". "Сярмяшякъй звали панитишти". "У сярмяшти, как ф-панитишти, до крылес (до лопаток) патклатка".

"Пониток" ("понитък") — домотканая ткань, у которой в утке шерсть, а в основе лен: "Кохты панитъшныи". "Паниткъвыи

штаны мужукам шыли".

В значении "домотканая ткань" слово известно не всем жителям, оно редко употребляется. "Пониток" в значении "верхняя одежда" и в значении "ткань" можно рассматривать как метонимию. Здесь материал, который шел на изготовление определенного вида одежды, очень распространенного в старообрядческих селах, получил название этого вида одежды. Прилагательные "понитковый", "пониточный" были синонимами слова "пониток" в значении "ткань".

Словари литературного языка это слово не отмечают.

Даль (34) отмечает оба значения этого слова, встречающиеся в нашем говоре, но приводит их без указания территории бытования. Южновеликорусские областные словари, просмотренные нами, и сибирские словари и лексикографические материалы этого слова не приводят.

Наоборот, почти все северновеликорусские областные словари толкуют это слово. Куликовский (35) приводит слово "пониток" в значении "рабочий кафтан из понитчины", а слово "понитчина" в значении "домашнее сукно, основа его льняная, уток шерстяной". Васнецов (36) отмечает "пониток" как "легкий кафтан, особого покроя без боров, сшитый из материи домашнего приготовления. Материя полушерстяная — основа льняная, уток — шерстяной". Подвысоцкий (37) приводит слово "пониток" в значении "летняя из холста мужская и женская одежда вроде длинного кафтана". В Опыте (38) приводится слово "понитчина" в значении — "полусукно домашней работы, их которого шьют понитки" с пометой "олон". Мы видим, что в прежних Олонецкой, Архангельской и Вятской губерниях употреблялось слово "пониток" для обозначения той же реалии, которая бытует у "поляков" под тем же названием, а для названия материи для "понитков" использовалось там слово "понитчина". У ближайших соседей наших "поляков" — "бухтарминских старообрядцев" Н.П.Гринкова (39) отмечает такую же реалию, которая там называется "шабур".

Значит, слово "пониток" не могло быть приобретено на юге нашими переселенцами во время жизни их предков на Ветке и в Стародубье, так как ни один из южновеликорусских словарей, просмотренных нами, не отмечает это слово, не могло оно быть

заимствовано и во время их жизни в Сибири, так как сибирские лексикографические материалы не приводят это слово, а ближайшим соседям наших "поляков" известно в этом значении слово "шабур".

Очевидно, что слово "пониток" и сама реалия были принесены переселенцами с северновеликорусской территории, а для названия ткани слово "пониток" стало употребляться как переносное (метонимия).

В основных своих формах мужская одежда "поляков" (кстати, и женская тоже) представляет северновеликорусскй тип. Эта одежда до 60—70-х годов XX в. сохраняла те формы, которые к этому времени уже давно исчезли в русских северных губерниях Европейской части России.

Оторванные с момента поселения почти до настоящего времени от общения с какой-либо группой населения вследствие религиозной замкнутости и трудности сообщения старообрядцы долгое время носили старинную одежду, примеры описания которой даны выше, чем и объясняется ее частичная сохранность и память о ней.

В последние 15—20 лет произошли изменения в названиях одежды, которые, прежде всего, зависят от изменения реалий, что связано с экстралингвистическими причинами. Этнографические материалы дали факты, подтверждающие, а иногда и объясняющие наши лингвистические наблюдения.

Характерной особенностью мужской старинной одежды на Алтае (как и женской, конечно), являлась ее яркость, пестрота, обилие украшений, ярких поясов, вышивка. Мужские рубахи зачастую могли быть не только ярко вышиты, но и сшиты из яркой ткани. Мужчины в праздники носили цветы за поясом и на шляпах. Это совершенно не вяжется с представлением о мрачном старообрядчестве, но в то же время является еще лишним звеном, отрицающим "саянское" происхождение "поляков", так как преобладающий цвет одежды "саянов" — черный, что особенно подчеркивается Добротворским (40). Сохранности этих древнейших черт способствовал замкнутый образ жизни на протяжении почти 3,5 столетий.

В этой связи с языком и культурой предшествующих эпох и сохранением ее на протяжении столетий нам видится интерес к

культурным и лингвистическим особенностям одежды старообрядцев "поляков". Вся терминология мужской (и женской) одежды во многом совпадает с терминологией Вятско-Пермского, Вологодского и частично Архангельского края.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Стрепкова Е.Н. Переселенческий южнорусский говор Верх-Убинского района Восточно-Казахстанской области в севернорусском окружении: Автореферат канд. дис. М.,1954. С.7.

2. Вагин В. Исторические сведения о деятельности графа М.М.Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год. СПб.,1872. С.71—72.

3. РГАДА. Ф.24. Д.35. Л.65.

4. ПСЗ-1. СПб.,1830. Т.XV. Ст.14124.

5. Пейзен Г. Исторический очерк колонизации Сибири // Современник. СПб.,1859. Т.77.

6. Головачев П. Сибирь в Екатерининской комиссии: Этюд по истории Сибири XVIII в. М.,1889. С.44.

7. Вургафт С.Г., Ушаков И.А. Старообрядчество. М.,1996. С.62—63.

8. ПСЗ-1. СПб.,1830. Т.XVI. Ст.11725.

9. Абрамов И.С. Старообрядцы на Ветке. СПб.,1910. С.3.

10. Швецова М. Поляки Змеиногорского уезда // Записки Западно-Сибирского имп. РГО. Кн. XXVI. Омск,1899. С.7.

11. Селищев А.М. Забайкальские старообрядцы. Семейские. Иркутск, 1920; он же. Диалектологический очерк Сибири. Иркутск, 1921.

12. Паллас Т.С. Путешествие по разным местам Российского государства. Т.2. Ч.2—3. СПб.,1786. С.217.

13. Гринкова Н.П. Одежда бухтарминских старообрядцев // Бухтарминские старообрядцы. Л.,1930. С.441.

14. Вургафт С.Г., Ушаков И.А. Указ. соч. С.301.

15. Принтед. Каменщики, ясачные крестьяне бухтарминской волости // Записки РГО по общей географии. Т.1. СПб.,1867. С.572.

16. Пособие-инструкция для подготовки и составления региональных словарей русского языка. М.,1960. С.115—203; Методические указания к "Программе собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка". М., 1957. С.141—151; Вопросники Томского государственного университета / Под ред. В.В. Палагиной. Томск,1960. №17,18. См. также: Инструкция по собиранию особенностей народных говоров Алтайского края. Барнаул,1928.

17. Для передачи особенностей говора нами используется упрощённая транскрипция, в которой из диакритических знаков сохраняется только

ударение, "ь" обозначает мягкость согласных, "ъ" — редуцированные гласные а, о, ы в безударном положении.

18. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. Т.1. М.,1935. С.18 (Далее — Ушаков).

19. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.1. М.,1955. С.7. (Далее — Даль).

20. Словарь русских народных говоров / Сост. Ф.П.Филин. Т.1. М.; Л.,1965. С.215—216.

21. Васнецов Н.М. Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора. Вятка,1907. С.8. (Далее — Васнецов).

22. Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия. СПб.,1885. С.1. (Далее — Подвысоцкий).

23. Анучин В. Материалы к областному словарю сибирского наречия. Красноярск,1904. С.150. (Далее — Анучин).

25.Ламанский В. Говор южной части Томского округа Томской губернии. СПб.,1895. С.107.

26. Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна реки Оби / Редактор В.В.Палагина. Томск,1964—1965. С.16.

27. Ушаков. Т.1. С.1100.

28. Даль. Т.1. С.683.

29. Опыт областного великорусского словаря. СПб.,1852. С.70. (Далее — Опыт).

30. Лебедева Н.И., Маслова Г.С. Русская крестьянская одежда XIX — нач. XX вв. как материал к этнической истории народа // Советская этнография. 1956. №4. С.121.

31. Даль. Т.IV. М.,1955. С.389.

32. Анучин. С.189.

33. Маляревский Г.Я. Особенности говора крестьян старожилов Тобольской губернии // Ежегодник Тобольского музея. Вып. XXVIII. Тобольск,1921. С.314.

34. Даль. Т.III. М.,1955. С.287.

35. Куликовский Г.В. Словарь областного олонецкого наречия. СПб.,1898. С.88.

36. Васнецов. С.236.

37. Подвысоцкий. С.131.

38. Опыт. С.170.

39. Гринкова Н.П. Указ. соч. С.376.

40. Добротворский Н.А. Саяны // Вестник Европы. 1888. №9. С.207.